

...ЦЕННОСТИ

...БЕЗОПАСНОСТЬ

УГРОЗА...

...ОПАСНОСТЬ

МЕССЕДЖИ
РОССИЙСКОЙ
ПРОПАГАНДЫ
«ТРАДИЦИОННЫХ
ЦЕННОСТЕЙ»

Исследование «Выхода»

МЕССЕДЖИ РОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЫ «ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ»

Мы, ЛГБТК+ группа «Выход», провели весной 2023 года небольшое кабинетное исследование. На основе имеющихся социальных исследований российской пропаганды и ее влияния мы попытались сформулировать основные месседжи российской власти, когда она разными голосами в очередной раз говорит нам о «традиционных ценностях», «нетрадиционных сексуальных отношениях», «родителях номер один и номер два», «трансформерах» и прочих вещах, ставших мемами для тех, кто помоложе, и страшилками для тех, кто доверяет телевизору.

Мы внимательно изучили работы социологов, политологов, антропологов и других социальных исследователей и постарались суммировать их выводы так, чтобы их можно было использовать в нашей работе. Зачем нам это нужно?

- Во-первых, для того, чтобы понимать, какие тезисы нам нужно опровергать в работе по информированию.
- Во-вторых, чтобы понимать, как и почему российское государство использует ЛГБТК+ людей для своих политических целей.
- В-третьих, эта работа стала подготовительным этапом для другого большого исследования, которое будет посвящено восприятию пропаганды россиянами и поиску среди них тех, кто сможет быть одним из наших союзников и союзниц в будущем.

Мы разбираем, когда появилось само понятие «традиционные ценности», насколько оно действительно «традиционно» (спойлер: это совсем недавнее изобретение пропагандистов) и зачем оно вообще нужно нашему государству.

В качестве результатов мы предлагаем не только сами месседжи пропаганды, но и контраргументы для них, которые мы тоже постарались разработать, опираясь на научные тексты.

Те, кто хочет вместе с нами копнуть в эту тему глубже, могут найти в конце список использованной нами академической литературы.

Возможно, это будет полезно еще и российским начинающим ЛГБТК+ и квир-исследователям.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ: ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЯ

Само понятие «традиционных ценностей» предполагает существование какой-то «традиции», устойчивого порядка, имеющего долгую историю. Тем не менее это словосочетание начинает активно использоваться в политическом языке российской власти только с 2011 года.

До 2010 года понятия «традиция» и «традиционные ценности» в законодательстве Российской Федерации используются только в связке с коренными народами Севера (*Muravyeva 2014*).

Иначе говоря, эти термины применялись в отношении так называемых «традиционных» обществ, а не городского населения России. В 2012 году в обращении Президента РФ к Федеральному собранию сочетание «традиционные ценности» появилось в другом значении: В. В. Путин призывал поддерживать институты, «которые являются носителями традиционных ценностей». Затем понятие традиции и традиционных ценностей проникло в законодательство: появляется закон о запрете пропаганды «нетрадиционных сексуальных отношений» среди несовершеннолетних, утверждаются стратегии национальной политики и национальной безопасности, в которых фигурируют «традиционные российские духовно-нравственные ценности». Традиция начинает выполнять охранительную и консервирующую функции.

Понятие «нетрадиционные сексуальные отношения» тоже имеет довольно короткую историю: активно оно начинает использоваться только с 2009 года (*Kondakov 2021*).

А. Кондаков полагает, что это словосочетание заимствовано из разговорного языка 1990-х – 2000-х годов, в котором было распространено понятие «нетрадиционная сексуальная ориентация». Суды начали использовать его для того, чтобы отделить некриминализованные формы однополых практик от «мужеложества», которое когда-то было уголовно наказуемым. Затем это понятие трансформировалось и закрепилось в законодательство.

Термин «нетрадиционные сексуальные отношения», как и закон, запрещающий их пропаганду, формируют особую политику памяти, которая стремится стереть квир-историю России, приводит к забвению фактов проявления квир-сексуальности в прошлом (*Kondakov 2021*). В то же время определение «нетрадиционные» подчеркивает чуждость таких отношений российской культуре, их привнесенность извне (*Muravyeva 2014*).

Традиция становится оправданием для ограничения прав людей (*Muravyeva 2014*).

С другой стороны, риторика «традиционных ценностей» не является исключительно российским изобретением: традиционалистские гомофобные идеи циркулируют по всему миру, **а российские политики зачастую воспроизводят американских консерваторов**

(Эссиг 2014, Essig and Kondakov 2019).

Что именно включают в себя «традиционные ценности», остается до конца не ясным, и это позволяет консолидировать вокруг них людей с самыми разными взглядами как внутри страны, так и на международной арене (Edenborg 2021).

Исследователи также обращают внимание, что разнообразные высказывания В. Путина за последние годы на темы, связанные с гендером, не сводятся к исключительно традиционалистским установкам, а представляют собой целый спектр от поддержки гендерного равенства до выступлений против него

(Johnson, Novitskaya, Sperling & Sundstrom 2021).

Такое внутреннее противоречие и непостоянство необходимо для того, чтобы уравнивать различные интересы элит и добиваться массовой поддержки.

«Традиционные ценности» — это не идеология или набор убеждений, а скорее определенная риторика, которая использует размытое понятие. Эту риторику поддерживают, распознают как близкую своим убеждениям, самостоятельно воспроизводят и националисты, и православные фундаменталисты, и коммунисты, и сторонники исламского шариата, и коммунисты, и даже некоторые либеральные оппозиционеры.

Кроме того, с помощью такой риторики Россия блокирует попытки ООН признать права ЛГБТК+ неотъемлемой частью универсальных прав человека и объединяет вокруг себя африканские, арабские и исламские страны.

МЕССЕДЖИ ПРОПАГАНДЫ

Итак, учитывая, что риторика «традиционных ценностей» не является внутренне целостной и последовательной, вероятно, намеренно размыта и ориентирована на очень разную аудиторию, сложно говорить о внятно сформулированных пропагандистских месседжах. Тем не менее мы можем выделить те идеи, с которыми тесно взаимодействует понятие «традиционные ценности», и политические мифы, в которые оно встроено.

Существует внешняя угроза российским традиционным ценностям

Необходимость защищать «традиционные ценности», прописанная в различных государственных политиках, предполагает, что существует внешняя угроза. Источник этой угрозы — условный «Запад», так называемая «Гейропа» (Riabov and Riabova, 2014).

Подразумеваемая экспансия стран ЕС и НАТО на территорию постсоветских стран (например, Грузии и Украины) увязывается российской пропагандой с сексуальной политикой: сам термин «Гейропа» стал популярен на волне обсуждения Евромайдана в 2014 году. В этом смысле защита «традиционных ценностей» неотделима в пропагандистском дискурсе от защиты суверенитета России в целом (Wilkinson 2014, Edenborg 2021).

И ЛГБТК-активизм и сами ЛГБТК+ люди позиционируются пропагандой как угроза национальной безопасности, причем эта угроза исходит извне.

Россия является защитницей традиционных ценностей на международном уровне

Противопоставляя себя Западу, российская пропаганда позиционирует Россию как «оплот традиционных ценностей» для консервативных европейцев и других стран, не приветствующих права ЛГБТК+ людей в своей внутренней политике. Такая риторика, с одной стороны, задействует *антиимперский, антиколониальный дискурс «борьбы с западной гегемонией», ориентированный на страны глобального Юга.*

Предполагается, что права ЛГБТК+ людей навязываются Западом и международными институциями, и это тот нарратив, вокруг которого возможна солидаризация стран глобального Юга под руководством России. С другой стороны, российская пропаганда использует риторику *борьбы с западными либеральными элитами и защиты интересов «простого народа»: защита «традиционных ценностей» подается как борьба снизу с либеральным доминированием* (Edenborg 2021).

Якобы либеральные элиты настолько далеки от «простых людей», что уже не понимают, насколько их ценности (включая гендерное равенство и сексуальное разнообразие) не соответствуют интересам «народа».

При этом Россия позиционируется не просто как оппонент Запада, но и как более «цивилизованная», «гуманная», чем условный Восток или Юг. Так, например, официальные лица неоднократно оправдывали необходимость закона о пропаганде тем, что на Северном Кавказе гомофобия является частью национальной традиции, а Российское государство вынуждено регулировать разные регионы с учетом местных обычаев

(Edenborg 2018, 2021).

Иначе говоря, носителем гомофобных убеждений выступало «отсталое», «традиционное» чеченское общество, а Россия выступала «цивилизующей» силой, наводящей порядок.

Необходимо защищать российских детей от пропаганды «нетрадиционных сексуальных ценностей»

Как показывают исследователи, риторика защиты детей от развратных действий появилась еще в начале 2000-х, когда зазвучали первые идеи бороться с гомосексуальностью законодательно

(Муравьева 2014, Healey 2018).

Как отмечает Д. Хили, фигура того, кто совершал бы эти развратные действия, отсутствовала в публичном поле: моральные паники создавались вокруг абстрактных угроз *(Healey 2018)*. Тогда же развивается риторика вокруг страха демографического упадка: нация в опасности из-за низкой рождаемости, а ЛГБТК+ люди (вместе с нетрадиционными ценностями, включая феминизм и чайлдфри) оказываются источником этой угрозы *(Healey 2018, Suchland 2018)*.

Эта риторика тесно связана с угрозой национальному суверенитету, о которой уже шла речь.

Все эти месседжи тесно взаимосвязаны и так или иначе пересекаются друг с другом. В целом риторика «традиционных ценностей» вписывается в единый путинский проект стабильности, на поддержание которой направляются различные усилия, в том числе защита детей от пагубного влияния и борьба с «нетрадиционными сексуальными отношениями».

ВОСПРИЯТИЕ ПРОПАГАНДЫ «ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ»

О том, как люди в России воспринимают тезисы государственной пропаганды, касающиеся «традиционных ценностей», написано гораздо меньше, чем о характере этой пропаганды. Основным источником в этом отношении могут служить работы Дж. Морриса (*Morris and Garibyan 2021, Morris 2023*), который пытался выяснить, как гомофобная риторика работает «на практике», проводя интервью с российскими гетеросексуальными мужчинами и женщинами в Калужской области.

Дж. Моррис связывает гомофобию россиян из рабочего класса с их социальной уязвимостью, незащищенностью, низким положением в социальной иерархии и страхами перед разрушением привычного морального и социального порядка. Последнее связано также с ностальгией по (воображаемому) прошлому, в котором моральный порядок был стабильным и защищенным. Основное отличие повседневной гомофобии россиян от официальной гомофобной пропаганды — критическое отношение к государству, недоверие к нему.

Информанты Морриса не верили, что российское государство способно защищать «традиционные

ценности» и тот самый моральный порядок, нарушения которого они опасались. Кроме того, Моррис считает, что корни повседневной гомофобии россиян уходят в советские гендерные нормы, в то время как пропаганда апеллирует скорее к религиозной традиции. Хотя другие исследователи, анализирующие непосредственно высказывания Путина, также находили в них элементы советских гендерных стереотипов (*Johnson, Novitskaya, Sperling & Sundstrom 2021*). Острым вопросом для информантов Морриса были дети: как им кажется, нормализация сексуального разнообразия побуждает детей сделать такой выбор, который бы они иначе не сделали, а потому детей нужно беречь от «пропаганды нетрадиционных ценностей». Кроме того, информанты видели в открытом проявлении гомосексуальности отсутствие воспитания, сдержанности и «западную вседозволенность». Тем не менее Моррис подчеркивает, что гомофобные взгляды россиян в приближении оказываются непоследовательными, противоречивыми и отличающимися от официального пропагандистского нарратива.

Помимо качественных исследований отношения россиян к гомосексуальности, у нас есть количественные опросы Левады-центра. Результаты опросов за последние годы фиксируют зависимость общественного мнения от государственной пропаганды. Так, в 2019 году 47% респондентов выступили за равные права для ЛГБТК+ людей, и это был самый высокий показатель с 2005 года (*Левада 2019*). Социологи объясняли улучшение отношения к ЛГБТК+ снижением эффекта кампании вокруг принятия закона о пропаганде и тем, что власти перестали активно использовать гомофобную риторикку.

Однако уже в 2021 году отношение россиян к ЛГБТК+ людям снова стало хуже, вероятно, из-за кампании вокруг поправок в Конституцию, которая снова использовала гомофобную риторикку (*Левада 2021*).

Изменения в результатах опросов могут свидетельствовать не только о сдвигах в общественном отношении, но и о том, какие ответы теперь (под влиянием государственной риторики) оцениваются респондентами как социально приемлемые.

КОНТРАРГУМЕНТЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Здесь мы не пытаемся подробно разобрать, почему каждый месседж пропаганды ложен, а вместо этого набрасываем возможные направления дальнейшей работы по выстраиванию стратегий информирования и позиционирования.

➤ Развенчание идеи «традиционных ценностей»

Многие традиции являются на самом деле недавними изобретениями (*Хобсбаум 2015*), и российские «традиционные ценности» — не исключение. Кроме того, апелляция к «традиционным ценностям» само по себе — это феномен современности, являющийся по сути реакцией на социальные и культурные изменения (*Altman, Symons 2015, Edenborg 2021*). Можно использовать исторические работы, в которых подробно разбирается либо то, какие гендерные и сексуальные нормы действительно были характерны для российского общества (*Муравьева 2014, Пушкарева*), либо то, как само понятие «традиционные ценности» конструировалось и осваивалось пропагандой (*Муравьева 2014, Healey 2018, Edenborg 2018, 2021*).

➤ Отсутствие угрозы демографического упадка со стороны ЛГБТК+

Нет демографического упадка в тех странах, где права ЛГБТК+ утверждены законодательно и соблюдаются (а война, например, грозит большой демографической ямой).

➤ Обращение к квир-истории

Для того чтобы оспорить тезис пропаганды о том, что ЛГБТК+ — это, во-первых, что-то новое, недавнее, а во-вторых, чуждое для российского контекста, имеет смысл обратиться к историческим свидетельствам давнего существования квир-сексуальности (как вообще, так и в русской культуре в частности). Могут быть полезны книги Дана Хили (*Хили 2022*), Рустама Александра (*Александр 2022*), статьи Ирины Ролдугиной (*Ролдугина 2016*).

➤ Отсутствие внешней угрозы для российских культуры и ценностей

Изменения сексуальных и гендерных норм неизбежны, и дело не в том, что кто-то хочет разрушить российскую культуру изнутри, а в макросоциальных процессах, таких как постиндустриализация, глобализация и пр. (теория второго демографического перехода, например).

➤ Опасения за детей и навязанный им выбор гендера или сексуальности беспочвенны

Признание гендерного и сексуального разнообразия не приводит к тому, что дети массово начинают идентифицироваться с ЛГБТК+, а сами ЛГБТК+ люди совершенно не заинтересованы в «совращении» детей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, российская пропаганда использует сформированный ею же образ ЛГБТК+ людей (разумеется, далекий от какой бы то ни было реальности) для разных внутри- и внешнеполитических целей. Пропагандисты изобретают «традиции», с помощью которых пытаются контролировать российских граждан. При этом, что же такое «традиционные ценности» по пунктам, на самом деле не знает никто. Это понятие используется как само собой разумеющееся, а на самом деле в каждой конкретной ситуации в него закладывают разные значения, заигрывая с разными аудиториями.

Мы очень кратко сформулировали основные тезисы, которые можно выделить из потоков ненавистнических речей, исходящих от российских политиков и пропагандистов.

Среди них есть ключевые слова:

- защита суверенитета;
- угроза национальной безопасности;
- демографический упадок;
- защита детей.

Все эти месседжи переплетаются между собой, и отделить один от другого не так просто. Все они так или иначе завязаны на попытке создать образ стабильности, которая в то же время постоянно подвергается опасности, и только нынешнее руководство якобы способно ее поддерживать. Но важно, что те тезисы, которые пропаганда пытается внушить людям, россияне воспринимают и усваивают совсем не так, как это задумывали пропагандисты, а через призму своего опыта и своих сложных отношений с государством, не заботящимся о своих гражданах.

Мы коротко наметили те направления, в которых можно развивать борьбу против государственной пропаганды. Но основная наша идея состоит в том, что сам процесс изучения пропаганды и демонстрация того, как именно она устроена, подрывает ее тезисы, показывая, насколько она искусственна и непоследовательна.

ЛИТЕРАТУРА

- Александер Р. Закрытые. Жизнь гомосексуалов в СССР. М.: Individuum, 2022.
- Муравьева М. «(Не)традиционные сексуальные отношения» как юридическая категория: историко-правовой анализ // Кондаков А. (ред.) На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2014. С. 68-85.
- Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н. Сметая запреты: Очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Ролдугина И. «Почему мы такие люди?»: раннесоветские гомосексуалы от первого лица: новые источники по истории гомосексуальных идентичностей в России // *Ab Imperio*. 2016. №. 2. С. 183–216.
- Хили Д. Другая история. Сексуально-гендерное диссидентство в революционной России. М.: Garage, 2022.
- Хобсбаум Э. Массовое производство традиций: Европа, 1870-1914 // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. 2015. №6. С. 107-127.
- Эссиг Л. «Сердца геев надо зарывать в землю»: размышления об охоте на гомосексуалов в России // Кондаков А. (ред.) На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2014. С. 3-23.
- Altman D., Symons J. International Norm Polarization: Sexuality as a Subject of Human Rights Protection // *International Theory*. 2015. Vol. 7. No. 1. P. 61–95.
- Edenberg E. “Traditional values” and the narrative of gay rights as modernity: Sexual politics beyond polarization // *Sexualities*. 2021. Vol. 0. No. 0. P. 1-17.
- Edenberg E. Anti-Gender Politics as Discourse Coalitions: Russia’s Domestic and International Promotion of “Traditional Values” // *Problems of Post-Communism*. 2021. Vol. 0. No. 0. P. 1-10.
- Edenberg E. Homophobia as geopolitics: “Traditional values” and the negotiation of Russia’s place in the world // *Gendering Nationalism: Intersections of Nation, Gender and Sexuality*. London: Palgrave, 2018. P. 67-87.
- Eliason M. Bi-Negativity // *Journal of Bisexuality*. 2000. Vol.1. No. 2–3. P. 137–154. URL: https://doi.org/10.1300/J159v01n02_05.
- Essig L., Kondakov A. The Cold War for the Twenty-first Century: Homosexuality vs. Heterosexuality // Mole R. (ed.) *Soviet and Post-Soviet Sexualities*. London, New York: Routledge, 2019. P.79–102.
- Healey D. Russian Homophobia from Stalin to Sochi. London: Bloomsbury Publishing, 2018.
- Johnson J.E., Novitskaya A., Sperling V., Sundstrom L.M. Mixed signals: what Putin says about gender equality // *Post-Soviet Affairs*. 2021. Vol. 37. No.6. P. 507-525.
- Kondakov A. Non-traditional sexual relationships: Law, forgetting, and the conservative political discourse in Russia // *Conservatism and Memory Politics in Russia and Eastern Europe*. London, New York: Routledge, 2021. P. 45-61.
- Morris J. How homophobic propaganda produces vernacular prejudice in authoritarian states // *Sexualities*. 2023. Vol. 0 No. 0. URL: <https://doi.org/10.1177/13634607221144624>
- Morris J., Garibyan M. (2021). Russian cultural conservatism critiqued: translating the tropes of ‘gayropa’ and ‘juvenile justice’ in everyday life // *Europe-Asia Studies*. 2021. Vol. 73/ No. 8. P. 1487-1507.
- Muravyeva M. Traditional Values and Modern Families: Legal Understanding of Tradition and Modernity in Contemporary Russia // *Zhurnal Issledovaniy Sotsial’noi Politiki*. 2014. Vol. 12. No. 4. P. 625–638.
- Riabova T., Riabov O. “Gayromaidan”: Gendered Aspects of the Hegemonic Russian Media Discourse on the Ukrainian Crisis // *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*. 2015. Vol.1. No. 1. P. 83–108.
- Suchland J. The LGBT specter in Russia: refusing queerness, claiming “whiteness” // *Gender, Place & Culture*. 2018. Vol. 25 No. 7. P.1073–1088.
- Walters S.D. The Tolerance Trap: How God, Genes, and Good Intentions are Sabotaging Gay Equality. New York: New York University Press, 2014.
- Wilkinson C. “Putting “Traditional Values” Into Practice: The Rise and Contestation of Anti-Homopropaganda Laws in Russia // *Journal of Human Rights*. 2014. Vol. 13. No. 3. P. 363–379.